

Подумав о том, что этот человек в будущем станет её супругом, она решила, что лучше будет пойти ему навстречу.

— Вон отсюда! — скомандовала она.

— Да, да! — женщина, стоявшая во главе, действительно вместе со всей своей свитой покатила вон из комнаты...

Юй Цинвань, увидев, что все убралось, наконец пришла в себя. Она опустилась на колени и произнесла:

— Приветствую Ваше Высочество принцессу.

Хуа Жолян — женщина, а значит, должна быть принцессой. В государстве Дасинь была лишь одна принцесса — законнорожденная дочь императора, Хуа Жолян. Юй Цинвань невольно содрогнулась и украдкой взглянула на Гун Юньшу, прятвшуюся за спиной Хуа Жолян.

Скрывать личность больше не было смысла. Хуа Жолян спокойно произнесла:

— Не нужно лишних церемоний, называй меня господином.

— Слушаюсь.

Гун Юньшу поднялась с кровати, поправила одежду и в недоумении спросила:

— Вы принцесса? — она прикрыла одной рукой свою раненую руку. Эта принцесса была довольно грозной.

Хуа Жолян окинула Гун Юньшу взглядом, уголки её губ чуть приподнялись:

— Да, я принцесса. Меня зовут... Хуа Жолян.

— О, прошу прощения, Ваше Высочество. Простите подданной её недавнюю дерзость! — Гун Юньшу спрыгнула с кровати и отвесила поклон.

Кто в новой империи не знал имени Хуа Жолян? Разве что те, кто не слышал ничего, что творилось за пределами их дома, и читал лишь святыя писания. Однако Гун Юньшу была как раз из тех, кого интересовали только военные трактаты. Она знала лишь, что должна жениться на принцессе. Поскольку сама она была женщиной, то не могла взять в жены принцессу, поэтому даже не удосужилась запомнить её имя. В армии все думали, что она знает, кто она такая, и не стали вдаваться в подробности.

Хуа Жолянъ приподняла бровь, глядя на человека, стоявшего на коленях с достоинством и без раболепия. Реакция была странной: она должна была долго удивляться, прежде чем поклониться. Если только... Взгляд Хуа Жолянъ стал тяжелее, и она добавила:

— Моё имя Хуа Жолянъ, я законная принцесса нынешней династии.

— Хуа Жолянъ... — это имя показалось знакомым. Гун Юньшу слегка нахмурилась, а затем, словно озаренная, произнесла: — Слушая звон струн, обрываю три тысячи нитей тоски. Опадают цветы, скрывая рябь на воде. Хуа Жолянъ — на чьих пальцах ты оставишь свой след? Ваше Высочество, ваше имя взято из этого стихотворения, верно?

Гун Юньшу улыбнулась, обнажив ровные белые зубы. В новой империи ценились литераторы, а воины — нет. Но она с детства любила боевые искусства, и родители уважали её выбор. Стихи она учила лишь понемногу, и именно это произведение оказалось в числе выученных.

Хуа Жолянъ — когда она учила это имя, она думала, какая же она на самом деле. Теперь она поняла. Гун Юньшу подняла взгляд на Хуа Жолянъ. Та стояла с нефритовым гребнем в волосах, собранных на затылке, в простом зеленом халате, который казался немного тонким. Брови и глаза её были подобны картине, она не нуждалась в пудре, чтобы сиять.

В её глазах, подобных цветкам персика, читалась то ли страсть, то ли полное равнодушие.

Гун Юньшу встретила с этим глубоким взглядом, и сердце её пропустило удар.

Хуа Жолянъ.

Оказывается, вот такая она.

Гун Юньшу глупо улыбнулась, всем своим видом выпрашивая похвалу.

— Спокойно взирать на цветы, что распускаются и опадают перед домом; безразлично относиться к тому, что уходит и что остается, глядя на облака, что сворачиваются и разворачиваются в небе. Имя маршала Гун, должно быть, взято отсюда. И впрямь, полное безразличие ко всему! — Хуа Жолянъ была в ярости от того, что человек, который должен был на ней жениться, не знал её имени, но всё же заставила себя улыбнуться. — Теперь потрудитесь запомнить: меня зовут Хуа Жолянъ, запомните это хорошенько.

Я ведь узнала о тебе всё до мельчайших подробностей, я проделала тысячи ли, чтобы увидеть тебя, я... — она была вне себя от ярости, развернулась и ушла.

Ну и ну, Гун Юньшу!

— А? — почему она разозлилась, ведь всё было хорошо? Гун Юньшу всё ещё стояла на коленях, не зная, встать ей или продолжать стоять.

— Маршал Гун... — Юй Цинвань и представить себе не могла, что прославленный маршал даже не знает, на ком он женится, да еще и принцессе. Она покачала головой: поделом ей, что принцесса заставила её стоять на коленях.

Почему все ушли? Хоть бы кто сказал, вставать или нет. Нельзя же бросать слова на полпути! Маршал никогда не умела разгадывать загадки, если есть дело — говори прямо. Долгое пребывание в лагере среди прямолинейных солдат привело к тому, что у Гун Юньшу развилась эта болезнь прямолинейности, которая, вероятно, проходила только во время сражений.

Выйдя из внутренней комнаты и отойдя подальше от Гун Юньшу, Хуа Жолянь почувствовала, что воздух стал свежее.

Эта тупица в комнате станет её будущим мужем, но этот муж даже не знает имени своей принцессы.

Хуа Жолянь крепче сжала веер, глубоко вздохнула, чтобы подавить гнев.

Обычно невозмутимая Хуа Жолянь, возможно, никогда не думала, что однажды её доведут до такого состояния.

Пока она злилась, снаружи снова начались проблемы.

Это была та самая женщина, которая возглавляла группу. Опасаясь мести, она, пока личность Хуа Жолянь еще не была полностью раскрыта, нашла хозяйку заведения, чтобы та схватила её.

— Матушка, это она, именно она! Она выдает себя за принца, скорее поймайте её...

Хуа Жолянь помрачнела, некоторые люди действительно не заслуживают снисхождения. С ледяным выражением лица она посмотрела на хозяйку.

Хозяйка, как-никак, была владелицей заведения — опыт у неё был. Она заметила, что Хуа Жолянь одета богато, а нефритовая флейта на поясе явно стоила целое состояние. Если это действительно принц, то этот скандал принесет проблемы. А если нет — то она явно не из простых гуляк.

Она подобострастно заулыбалась, виляя бедрами — для её возраста она всё ещё была весьма недурна:

— Господин...

Кто бы мог подумать, что Хуа Жолянй брезгливо отступит на шаг. У неё уже почти развилась фобия к этим женщинам.

Хозяйка неловко замерла, натянула еще более фальшивую улыбку и сказала:

— Господин, не гневайтесь, она неразумна, — повернувшись к охранникам, она приказала: — Уведите её.

Хуа Жолянй равнодушно смотрела на молящую о пощаде женщину. Она давала ей шанс.

Видя, что Хуа Жолянй недовольна, хозяйка, боясь неприятностей, заговорила:

— Господин, простите за беспокойство. Люди, проводите господина в главный зал, устройте его на самом лучшем месте. Скоро начнется выступление главной красавицы.

Хуа Жолянй вежливо улыбнулась:

— Если бы та женщина была хоть наполовину так же рассудительна, как вы, этого бы не случилось. Но у меня есть еще два друга...

— О, друзья господина — мои друзья, устроим всех в лучшем виде!

Хозяйка снова двинулась к ней, но Хуа Жолянй инстинктивно отступила:

— Не спешите, не спешите, я сам справлюсь, не утруждайте себя.

Хозяйка была разочарована, размышляя, уж не к женщинам ли равнодушен этот господин.

В этот момент из внутренней комнаты вышла Юй Цинвань.

Хуа Жолянй спросила:

— Тупица всё еще стоит на коленях?

Юй Цинвань потребовалось полсекунды, чтобы понять, что тупица — это Гун Юньшу, и кивнула:

— Да, всё ещё стоит, выглядит такой невинной и обиженной.

Хуа Жолянть рассмеялась. У неё ещё хватает наглости выглядеть невинной, будто это она здесь злодейка.

Тупица, проклятая тупица, одно упоминание о ней выводит из себя.

Спокойствие, только спокойствие. Принцесса не должна терять лицо.

С бесстрастным лицом она бросила:

— Пусть встанет.

Гун Юньшу, не получив приказа, продолжала стоять.

Успокоившись, она почувствовала неловкость: всё-таки она была в мужском обличье и вела себя так с женщиной. Услышав через Юй Цинвань, что может встать, она поднялась.

— Маршал, вы знаете, кто эта принцесса? — из добрых побуждений спросила Юй Цинвань. Если Гун Юньшу опять не поймет, то, судя по лицу Хуа Жолянть, наказанием дело не ограничится.

— Хуа Жолянть.

Рана на руке уже затянулась, но всё ещё слегка саднила. Гун Юньшу смотрела на неё и отвечала равнодушно.

— Маршал, вы знаете, что в новой империи только одна принцесса? — Юй Цинвань, видя реакцию Гун Юньшу, поняла, что та действительно не в курсе. Она рассмеялась, схватившись за лоб, и напонила ещё раз.

— Что?!

Выражение лица Гун Юньшу стало невообразимо сложным.

Она должна была жениться на принцессе, а принцесса в империи всего одна. Та, на ком она должна жениться, — Хуа Жолянть. Та женщина, что была здесь только что, — и есть её невеста.

— Ты не шутишь?

— Зачем мне шутить! — входя в комнату, Хуа Жоляннь увидела ошарашенное лицо Гун Юньшу. Её звездные глаза выглядели такими чистыми и невинными, что это было просто невероятно.

Подавив гнев, она слегка улыбнулась:

— Маршал, вы пренебрегаете мной, потому что считаете, что я вас недостойна?

Рискуя всем, чтобы тайно выбраться из дворца, она хотела узнать, что за человек её будущий супруг. Первая встреча принесла неожиданное влечение, но теперь на душе было холодно.

— Не смею.

Гун Юньшу снова опустилась на колени и опустила голову. Услышав шаги Хуа Жоляннь, она почувствовала смятение и закрыла глаза. Без зрения остальные чувства обострились.

Она отчетливо чувствовала аромат, исходящий от Хуа Жоляннь — словно запах персикового сада в марте. Не слишком приторный, с примесью свежести утренней росы. Гун Юньшу невольно глубоко вдохнула и ощутила легкую горечь лекарств...

Она открыла глаза и снова встретилась с тем самым взглядом. В нём промелькнуло чувство — горечь.

— Господин маршал, вы — прославленный красавец-маршал, чего же вы не смеете? Вы не отступаете перед тысячами воинов, а в заведение «Цзуйсянь» пришли без колебаний.

Сказав это, Хуа Жоляннь перестала обращать внимание на Гун Юньшу и направилась к кровати.

— Нет-нет, я пришла сюда лишь для того, чтобы моим братьям по оружию не было скучно, — Гун Юньшу посмотрела на Хуа Жоляннь, заметно нервничая.

Подразумевалось, что сама она приходить не хотела.

Уголки губ Хуа Жоляннь дрогнули в слабой улыбке.

Ей было интересно, обо что она ударилась бедром. Подойдя к кровати, она обнаружила небольшую нефритовую вещицу. Хуа Жоляннь с любопытством повертела её в руках — безделушка была довольно изящной.

— Что это такое? — пробормотала она.

Юй Цинвань, услышав это, сказала:

— Принцессе лучше положить это и тщательно вымыть руки.

— Почему?

Юй Цинвань смущенно пояснила:

— Принцесса слышала о «зеркала»? Это когда две женщины... ну, вы понимаете. Это вещь, которую привязывают на пояс во время... того самого.

Нефритовая безделушка выпала из рук Хуа Жолян и разбилась на две части. Она брезгливо вытерла руки платком и спросила:

— Где здесь умывальня?

— Вниз по лестнице и налево.

Хуа Жолян ушла с каменным лицом, и только она знала, какая буря эмоций бушевала внутри.

Гун Юньшу ошеломленно смотрела на разбитый нефрит, погрузившись в раздумья.

Ходили слухи, что красавицы «Цзуйсянь» были несравненны, владели музыкой, шахматами, каллиграфией и живописью. И бедные студенты, и высокопоставленные чиновники тратили всё, лишь бы увидеть их улыбку.

Хуа Жолян, много раз вымыв руки, сидела в ложе, откуда был виден весь зал, попивая чай и слушая пояснения Юй Цинвань.

Теперь она поняла: хозяйка приняла её за мужчину, пришедшего развлечься. Внизу раздался шум, Хуа Жолян приподняла бровь и посмотрела вниз. Как и ожидалось — появилась главная красавица.

В этом году её звали Тао Яояо. Она была в легком прозрачном платье, подчеркивающим её идеальную фигуру. Красная точка на лбу делала её облик еще более соблазнительным, неземным.

Соблазнительная девятихвостая лисица, воплощение неги.

Хуа Жолянь перестала пить чай и с интересом наблюдала за танцем.

Колокольчики на руках и ногах Тао Яояо звенели в такт музыке, пока она плавно изгибала свое гибкое тело. На круглой сцене мелькал её призрачный силуэт, она издавала дразнящие звуки.

Некоторые мужчины не выдерживали и пытались коснуться её обнаженных щиколоток, но охрана «Цзуйсянь» вовремя их останавливала.

В последнем вихре танца её тонкое платье соскользнуло, и мужчины внизу бросились наперебой, готовые убить друг друга за право дотронуться до неё. Она же, ничуть не смущаясь своей наготы, радостно смеялась, наблюдая за этим хаосом.

Земное совершенство.

Хуа Жолянь искренне зааплодировала:

— Персики цветут, ярко и нежно.

Неизвестно, услышала ли Тао Яояо этот комплимент, но она посмотрела в сторону Хуа Жолянь. Её взгляд, полный огня, стал еще ярче, и она улыбнулась.

Гун Юньшу сидела рядом, наблюдая за их переглядыванием. На душе было странно. Формально эта принцесса — её будущая жена, но она ни за что не сможет на ней жениться. Она не мужчина, а даже если бы была... Гун Юньшу смотрела на Хуа Жолянь, и в её голове возникла шокирующая мысль. Она слегка покачала головой. Верно говорили братья в армии: женская красота сбивает с толку.

— Господин маршал, почему качаете головой?

Хуа Жолянь случайно заметила движение Гун Юньшу, и её и без того не лучшее настроение испортилось окончательно.

— Я... ничего не делала.

Гун Юньшу тут же отвела взгляд и опустила голову.

— О, правда? — Хуа Жолянь помедлила и спросила: — Как вам красавица?

Тон её был ровным, но брови чуть приподняты, а в глазах играла ироничная улыбка. Ей было любопытно, о чем еще, кроме войны, думает прославленный маршал.

Гун Юньшу моргнула и посмотрела на полуобнаженную Тао Яояо внизу. Слегка нахмурившись, она произнесла:

— Она красива, но ей не хватает величественности, глубины и благородства. Она как пион: на неё можно смотреть, но ею можно и играть в руках.

Сказав это, она невольно посмотрела на Хуа Жолян, открыла рот, но замолчала. Её нерешительность заставила сердце Хуа Жолян забиться чаще.

— Гун Юньшу, говори прямо, не стесняйся.

Почему она снова выглядит злой? Гун Юньшу посмотрела в сторону. Опять она что-то сделала не так?

Поразмыслив, она не нашла ответа, но Хуа Жолян ждала.

— Я... я просто думаю, что принцессой можно только любоваться издалека, она несравненно прекраснее этой красавицы. Принцессе достаточно каждый день смотреть на себя, зачем ей смотреть на других?

Произнося эти лестные слова, Гун Юньшу сохраняла абсолютно серьезное лицо. В её чистых звездных глазах отражалась только Хуа Жолян, словно говоря, что в её словах нет ни капли лжи.

Кто не любит приятных слов?

Настроение Хуа Жолян необъяснимо улучшилось.

Ну и ну, Гун Юньшу.

Оказывается, ты умеешь говорить как человек.

— Маршал Гун?

— Да, Ваше Высочество?

— Вы тоже необычайно красивы. Думаю, мне достаточно каждый день смотреть на вас, — Хуа Жолян не думала о Гун Юньшу как о женщине, она просто хотела подразнить её.

Кто бы мог подумать, что Гун Юньшу вздрогнет, а затем, поняв, что её дразнят, смущенно ответит:

— Ваше Высочество шутит.

Начался аукцион. Стартовая цена — сто тысяч серебряных. Что это за сумма? Обычная семья могла бы безбедно прожить на неё десяток поколений.

Их мысли были насильно возвращены к реальности.

— Пятьсот тысяч серебряных!

Кричал толстый мужчина. Он потирал руки, жадно разглядывая обнаженное тело Тао Яояо, оценивая каждую деталь. Словно смотрел на предмет — неплохой предмет.

Тао Яояо наклонила голову и тихо рассмеялась, её голос звенел, как серебряный колокольчик.

— Моя первая ночь стоит пятьсот тысяч серебряных...

Это был первый раз, когда она заговорила, и в её голосе звучал соблазн. Ставки внизу достигли апогея.

— Миллион!

— Пять миллионов!

— Десять миллионов, она моя!

Улыбка Тао Яояо стала еще ярче. Она посмотрела на Хуа Жолянь, подмигнула ей и прошептала что-то, шевеля губами.

Хуа Жолянь тоже улыбку и повернулась к Гун Юньшу:

— Ты знаешь, что она сказала?

Гун Юньшу смущенно ответила:

— Она... она сказала...

— Что?

— Господин, вы не хотите меня?

— Хочу! — воскликнула Хуа Жолянью. — Тысяча золотых!

Тысяча золотых.

Этот возглас заставил всех мужчин внизу обернуться. Хуа Жолянью, привыкшая к любому вниманию, спокойно улыбнулась, вызываясь глядя на толпу. Золото — валюта, которая ценится везде и всегда. И цена её только растёт. Кто в мире не любит золото?

Больше ставок не последовало.

— Ваше Высочество... что вы делаете? — Гун Юньшу в изумлении подняла голову. В её душе смешались непонимание и легкая, неосознанная ревность. Даже богатые аристократы не осмеливались называть такие суммы. А Хуа Жолянью предложила их за куртизанку.

Юй Цинвань лишь вздохнула: императорская семья — это размах, десять миллионов золотых!

Хуа Жолянью отставила чашку и снова посмотрела на Гун Юньшу:

— То, что я делаю, не касается маршала, верно? — она встала, открыла веер и слегка помахала им.

Гун Юньшу охватил необъяснимый гнев. Она тоже встала, прямо глядя в глаза Хуа Жолянью:

— Ваше Высочество, не забывайте, что я — ваш будущий супруг.

Сказав это, она тут же пожалела. Она всего лишь женщина, как она может быть супругом принцессы? Она сделала шаг назад и добавила: — Простите мою дерзость, — после чего села.

Хуа Жолянью тихо рассмеялась, направляясь к выходу. Теперь она была почетным гостем Тао Яояо. Сделав несколько шагов, она остановилась и обернулась:

— А мне, признаться, нравится, когда маршал Гун проявляет дерзость.

Увидев, что Гун Юньшу подняла голову, она одарила её слабой улыбкой и ушла, оставив ту в полном одиночестве.

— Боже, Ваше Высочество, как же это... как же это соблазнительно, — Юй Цинвань была поражена. Эта улыбка была слишком вызывающей. Она посмотрела на ошарашенную Гун Юньшу с завистью и прошептала: — Маршал, вам крупно повезло.

Такой человек...

Гун Юньшу опустила голову, сжав кулаки. Сердце билось слишком быстро.

«Цзуйсянь» был заведением гуманным: сначала вносилась небольшая сумма, а после проверки товара — остальная.

Хуа Жолянй отдала слуге сто тысяч серебряных купюрами. Для неё это была сущая мелочь.

Хозяйка подала знак своим людям, и крепкие молодцы тихо окружили заведение. Если Хуа Жолянй попытается сбежать, не заплатив, им было плевать на её титул — деньги должны были остаться здесь.

Говорят, Хуа Жолянй действительно собиралась сбежать, да еще и прихватить с собой Тао Яояо. Это доставило немало проблем оставшейся Гун Юньшу. Но это уже совсем другая история.

Комната красавицы была оформлена в страстных тонах, воздух был пропитан ароматом желания. Хуа Жолянй подошла к столу и вылила чай в курильницу.

Этот аромат был афродизиаком.

Тао Яояо, прикрыв лицо вуалью и одетая в тонкое, почти прозрачное зеленое платье, сидела на кровати, с интересом наблюдая за гостьей.

— Господин, если вы будете вести себя так, будет совсем не интересно... — голос Тао Яояо был полон соблазна, она медленно поползла по кровати к Хуа Жолянй, стоявшей у стола. Её грудь была видна как на ладони.

<http://bllate.org/book/19781/1949167>